

ЛЮБИМАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

ЛЮБИМАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

АГАТА
КРИСТИ

ИКС ИЛИ ИГРЕК?

МОСКВА
2019

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
К82

Agatha Christie

N or M?

Copyright © 1941 Agatha Christie Limited.
All rights reserved.

AGATHA CHRISTIE, TOMMY AND TUPPENCE
and the Agatha Christie Signature are registered trademarks
of Agatha Christie Limited in the UK and elsewhere.
All rights reserved.

<http://www.agathachristie.com>

Кристи, Агата.
К82 Икс или игрек? / Агата Кристи ; [пер. с
англ. Н. В. Некрасовой]. — Москва : Эксмо,
2019. — 288 с.

ISBN 978-5-04-105095-5

Сыщики-любители Томми и Таппенс решают едва ли не самую сложную в их жизни задачу. В затерянном на пустынном побережье Англии пансионе, где обитают старушки, отставные полковники да старые девы, затаились и готовятся к активным действиям против Англии нацистские шпионы. Условно их называют «Икс» и «Игрек». Кто они? Как они выглядят? Как их вычислить? Сложнейшая головоломка дополняется опасными и непредсказуемыми приключениями...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-105095-5

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1

I

В прихожей Томми Бересфорд снял пальто. Обстоятельно, аккуратно повесил его на деревянный крючок. Так же аккуратно и обстоятельно повесил на соседний крючок шляпу. Затем расправил плечи, изобразил на лице бодрящую улыбку и вошел в гостиную, где сидела его жена и вязала шерстяную шапку-шлем из пряжи цвета хаки.

Стояла весна 1940 года.

Миссис Бересфорд бросила на него короткий взгляд и принялась вязать с удвоенным усердием. Через пару минут она спросила:

— Ну, какие новости в вечерних газетах?

Томми ответил:

— Блицкриг надвигается, гип-гип-ура! Во Франции дела плохи.

— Да, нерадостно, — сказала Таппенс.

Повисло молчание. Затем Томми сказал:

— Что же ты ничего не спросишь? Чего уж со мной церемониться.

— Понимаю, — ответила Таппенс. — Нарочитая вежливость раздражает. Но если я и спрошу, ты все

равно разозлишься. Да и к чему спрашивать? У тебя все на лбу написано.

— Я и не думал, что похож на грустную собачку.

— Нет, дорогой, — сказала Таппенс. — Просто у тебя такая деланая улыбка, что прямо душу рывает.

Томми ухмыльнулся:

— Неужели все так плохо?

— Даже хуже... Ладно, хватит. Ничего не выходит?

— Нет. Меня никуда не хотят брать. Таппенс, это просто ужасно, когда мужчину сорока шести лет заставляют чувствовать себя старой развалиной. Армия, флот, ВВС, Министерство иностранных дел — везде в один голос говорят: «Вы слишком стары, возможно, мы позвоним вам позже».

— Со мной та же песня, — сказала Таппенс. — Людей моего возраста в санитарки брать не хотят — извините, но нет. Да и никуда вообще не берут. Они скорее возьмут какую-нибудь легкомысленную девчонку, которая и ран в глаза не видала, и бинтов не стерилизовала — но только не меня, которая за три года, с пятнадцатого по восемнадцатый год¹, успела послужить и санитаркой, и операционной сестрой, и водителем грузовика... а потом я еще генерала возила! И между прочим, у меня очень даже неплохо получалось! А теперь я бедная, назойливая, занудная

¹ Речь идет о Первой мировой войне.

тетка средних лет, которая не хочет сидеть дома и вязать, как ей и подобает.

— Проклятая война, — мрачно сказал Томми.

— Война сама по себе дело страшное, — сказала Таппенс, — но когда тебе еще и ничего делать не дают, так вообще хоть ложись и помирай.

— Ну хотя бы у Деборы есть работа, — утешил ее Томми.

— С ней-то все в порядке, — ответила мать Деборы. — Я думаю, что она отлично справляется. Но я все равно уверена, Томми, что не уступила бы ей.

Томми ухмыльнулся:

— Она бы с этим поспорила.

— Дочери бывают несносны, — сказала Таппенс. — Особенно когда они тебя жалеют.

— А как Дерек порой делает мне скидку на возраст.. это просто невыносимо. У него прямо в глазах читаешь «бедный старый папа».

— Короче, — сказала Таппенс, — наши детки хотя и чудесные, но просто бесят.

Однако при упоминании близнецов, Дерека и Деборы, взгляды их смягчились.

— Наверное, — задумчиво сказал Томми, — нам просто трудно понять, что мы уже не юны и время наших подвигов миновало.

Таппенс коротко и гневно фыркнула, вздернула голову с черными блестящими кудряшками и сбросила с колен клубок.

— Значит, мы ни на что не годны, да? *Да?* Или нам это просто постоянно вбивают в голову, чтобы усвоили? Порой мне начинает казаться, что я вообще никогда ни на что не годилась.

— Возможно, — сказал Томми.

— Возможно. Но, в любом случае, когда-то ведь мы были действительно нужны. А теперь мне начинает казаться, что этого никогда и не было. Но ведь это было, Томми? Или нет? Это ведь правда, что однажды немецкие шпионы дали тебе по башке и похитили тебя? Ведь правда — мы однажды выследили опасного преступника и взяли его! Ведь это правда, что мы спасли девушку и добыли важные секретные документы, заслужив благодарность некоей страны?¹ Мы! Ты и я! Презируемые, никому не нужные мистер и миссис Бересфорд!

— Успокойся, дорогая. Все это ни к чему.

— Все равно, — сказала Таппенс, смаргивая слезу. — Я разочаровалась в нашем мистере Картере.

— Он написал нам очень приятное письмо...

— Он ничего не сделал, даже надежды нам не подал!

— Но ведь он сам сейчас не при делах. Как и мы. Он стар. Живет себе в Шотландии и рыбку ловит.

¹ Об этом рассказывается в романах А. Кристи «Таинственный противник» и «Партнеры по преступлению».

— Нам могли бы позволить сделать хоть что-нибудь для разведки, — тоскливо проговорила Таппенс.

— Возможно, мы не справились бы, — сказал Томми. — Возможно, в нынешние времена нам просто не хватило бы духу.

— Может быть, — сказала Таппенс. — Другие тоже так думают. Но возможно, как ты говоришь, когда доходит до дела... — Она вздохнула: — Хотелось бы, чтобы нам удалось найти хоть какое-то дело. С ума сойдешь от размышлений, когда у тебя столько времени.

Взгляд ее остановился на фотографии молодого человека в форме ВВС, с такой же широкой улыбкой, как у Томми.

— Мужчинам еще хуже, — сказал последний. — Женщина хоть вязанием себя может занять, упаковывать посылки или в столовых помогать.

— Я такими вещами могу заняться лет через двадцать, — ответила Таппенс. — Я еще не настолько стара, чтобы на этом успокоиться. Я ни рыба ни мясо...

В дверь позвонили. Таппенс встала, пересекла маленькую служебную квартирку и открыла дверь. На коврик перед нею стоял широкоплечий мужчина с большими светлыми усами и приветливым румяным лицом.

Он окинул ее коротким взглядом и спросил приятным голосом:

— Вы миссис Бересфорд?

— Да.

— Моя фамилия Грант. Я друг лорда Истхэмптона. Он предложил мне разыскать вас и вашего мужа.

— О, очень приятно, заходите. — Она провела его в гостиную. — Мой муж... э... капитан...

— Мистер.

— Мистер Грант. Он друг мистера Кар... лорда Истхэмптона.

Старый оперативный псевдоним бывшего начальника разведки — «мистер Картер» — куда легче подворачивался на язык, чем настоящее имя их старого друга.

Несколько минут все трое весело беседовали. Грант оказался приятным человеком с простыми манерами. Потом Таппенс вышла из комнаты и вернулась с шерри и стаканами.

Через несколько минут, во время паузы, мистер Грант сказал Томми:

— Я слышал, вы ищете работу, Бересфорд?

У Томми загорелись глаза.

— Да, это так. Не хотите ли вы сказать...

Грант рассмеялся и покачал головой.

— О нет, ничего в подобном духе. Боюсь, это придется оставить на долю молодых и энергичных или тех, кто варился во всем этом долгие годы. То дело, которое я вам собираюсь предложить, боюсь, довольно нудное. Кабинетная работа. Запол-

нение форм. Маркировка. Классификация. Вот такое дело.

Томми поскущнел.

— Понимаю.

— Это лучше, чем ничего, — подбодрил его Грант. — Короче, заходите как-нибудь ко мне. Министерство снабжения, кабинет двадцать два. Мы подберем вам какую-нибудь хорошую работу.

Зазвонил телефон. Таппенс взяла трубку.

— Алло? Да. Что?! — На том конце провода о чем-то взволнованно верещал писклявый голос. Таппенс изменилась в лице. — Когда? О Господи, конечно! Сейчас приеду!

Она положила трубку и повернулась к Томми:

— Это Морин.

— Я так и подумал. Узнал ее голос даже по телефону.

— Мне очень жаль, мистер Грант, — зачастила Таппенс, — но я должна поехать к подруге. Она упала и подвернула ногу, а с нею никого нет, кроме малолетней дочери. Мне надо поехать к ней, все уладить и найти ей какую-нибудь сиделку. Простите, пожалуйста.

— Конечно, миссис Бересфорд, я все понимаю.

Таппенс улыбнулась ему, схватила лежавшее на софе пальто, сунула руки в рукава и выскочила из комнаты. Хлопнула входная дверь.

Томми налил гостю еще стаканчик шерри.

— Посидите еще, — сказал он.

— Спасибо, — гость взял стакан. — По правде говоря, очень удачно получилось, что вашей жене позвонили. Это сэкономит нам время.

Томми уставился на него.

— Я не понимаю.

— Понимаете ли, Бересфорд, — неторопливо проговорил Грант, — если б вы пришли бы ко мне в министерство, то там я сделал бы вам иное предложение.

На веснушчатое лицо Томми начал возвращаться румянец.

— Вы хотите сказать...

— Истхэмптон предложил вас, — кивнул Грант. — Он сказал, что вы именно тот человек, который нам нужен для этого задания.

Томми шумно выдохнул.

— Рассказывайте, — сказал он.

— Естественно, все строго конфиденциально.

Томми кивнул.

— Даже ваша жена не должна знать. Вы понимаете?

— Прекрасно понимаю. Но мы прежде работали вместе...

— Да, я знаю. Однако это предложение только для вас.

— Понимаю. Хорошо.

— Для виду вам будет предложена, как я только что сказал, кабинетная работа в отделе министерст-

ва, функционирующего в Шотландии — в закрытом районе, куда ваша жена не сможет вас сопровождать. На самом деле вы будете находиться совершенно в другом месте.

Томми слушал.

— Вы ведь читали в газетах о так называемой «пятой колонне»? — спросил Грант. — В любом случае вы хотя бы примерно понимаете, что означает этот термин.

— Внутреннего врага, — пробормотал Томми.

— Именно так. Эту войну, Бересфорд, мы начали под фанфары. О, я не говорю о людях, которые действительно понимали суть дела, — мы всегда знали, с кем нам предстоит схватиться. Мы знали о способностях врага, его воздушных силах, его смертоносной решимости и скоординированности его отлично слаженной военной машины. Я имею в виду обывателя. Я говорю о том простодушном, туповатом демократе, который верит в то, во что хочет верить, — что Германия вот-вот рухнет, что она на пороге революции, что у нее не оружие, а жестянки, что тамошний народ голодает так, что солдаты падают в обморок на марше, и все такое. Как говорится, принимают желаемое за действительное.

А война обернулась совсем по-иному. И в начале-то все было неважно, а потом стало еще хуже. К простым людям претензий нет — к морякам, летчикам, солдатам в окопах. Но руководство было дур-

ным, и готовы к войне мы были плохо — возможно, это дефекты нашего характера. Мы не хотим войны, мы не рассматривали ее всерьез, мы оказались к ней не готовы.

Однако самое худшее уже позади. Мы исправили свои ошибки. Мы постепенно ставим нужных людей на нужные места. Мы начинаем вести войну так, как следовало с самого начала — уж будьте уверены, — если только не успеем ее проиграть. И опасность поражения исходит не извне — она не в количестве немецких бомбардировщиков, не в захвате Германией нейтральных стран и новых плацдармов для вторжения. Опасность идет изнутри. Это троянский конь. Можете называть ее «пятой колонной», если вам угодно. Она здесь, среди нас. Это мужчины и женщины — некоторые на высоких постах, некоторые в тени, но все они искренне верят в цели и догмы нацизма и желают подменить этими жесткими эффективными догмами туповатую ленивую свободу наших демократических институтов. — Грант подался вперед и произнес все тем же приятным бесстрастным голосом: — И мы не знаем, кто это.

— Но ведь наверняка... — начал Томми.

— Ну да, мы могли бы выловить мелкую рыбешку, — с некоторым раздражением сказал Грант. — Это достаточно просто. Но есть и другие. Мы знаем о них. Мы знаем как минимум о двух высокопостав-

ленных чиновниках Адмиралтейства — один должен быть членом штаба генерала Г. — и еще о трех в ВВС. Как минимум двое служат в разведке и имеют доступ к секретной информации кабинета министров. Мы знаем об этом потому, что именно так следует из хода событий. Об этом сигнализирует утечка информации — причем с самого верха — к врагу.

— Но я-то чем могу здесь помочь? — беспомощно спросил Томми. На его симпатичном лице было глубокое недоумение. — Я же никого из этих людей не знаю.

Грант кивнул.

— Вот именно. Вы не знаете никого из них — а они не знают вас.

Он помолчал, чтобы эта мысль улеглась у Томми в голове, и продолжил:

— Этим людям, этим высоко сидящим людям, известно большинство из наших агентов. Невозможно окончательно отрезать их от информации. Я просто не знаю, что делать. Я поехал к Истхэмптону. Сейчас он не у дел — болен, — но такой умной головы, как у него, я не встречал. Он вспомнил о вас. Вы работали на департамент свыше двадцати лет назад. Ваше имя никто с ним не свяжет. Ваше лицо никому не знакомо. Что вы скажете? Вы беретесь за это дело?

Восторженная улыбка расплылась на лице Томми буквально от уха до уха.